

Монголо-Сычуаньская экспедиция П.К. Козлова (1907—1909) и открытие Хара-Хото¹

Т.И. Юсупова

*Кому охота
Шагать без счета,
Когда выдуман самолет?
Кому охота
Искать Хара-Хото —
Город, который мертв?*

В. Инбер, 1926

Странно иногда распоряжается судьба археологическими открытиями. Один человек может полжизни потратить на изучение научной проблемы, на поиски следов исчезнувших цивилизаций, но все его усилия окажутся тщетными: долгий и кропотливый труд не будет достойно вознагражден. Другой, даже не помышляя об этом, решая совершенно иные задачи, совершает неожиданное открытие. Так случилось с П.К. Козловым, который, не будучи археологом, внес выдающийся вклад в археологическую науку. Мировую славу путешественнику-географу принесли раскопки, проведенные в 1908—1909 гг. в засыпанном гобийскими песками Хара-Хото и в 1924—1925 гг. в гуннских (*xiongnu*) захоронениях, в горах Ноин-Ула в Монголии. Что это? Слепой случай или запланированная удача? Попробуем разобраться.

О П.К. Козлове (1863—1935) и его путешествиях существует довольно обширная литература². В данном очерке мы более подробно остановимся на обстоятельствах подготовки и проведения Монголо-Сычуаньской экспедиции (1907—1909)³, во время которой были сделаны уникальные археологические находки в Хара-Хото. Эти материалы позволили

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-03-00443а).

² См., напр.: Овчинникова Т.Н. П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М., 1964; Житомирский С.В. Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М., 1989; Андреев А.И., Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова (1923—1926 гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001, № 2. С. 51—74; Кравклис Н. Жизнь и путешествия Петра Кузьмича Козлова. Смоленск, 2006 и др.

³ См.: Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг., 1923; Андреев А.И. О том, как был дважды открыт мертвый город Хара-Хото // От Байкала до священной Лхасы. СПб.; Самара; Прага, 1997. С. 61—87; Кычанов Е.И. Соблазн славы // Восточная коллекция. Осень 2001. С. 76—80 и др.

P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition (1907—1909): the Discovery of Khara-Khoto¹

T.I. Yusupova

*Who's going
To walk endless miles
If a plane is a common thing?
Who's going
To search for Khara-Khoto —
A dead city that will never
swing?*

V. Inber, 1926

Destiny can play strange games with archaeological discoveries. One can spend half his life studying a scientific problem or looking for traces of vanished civilizations, but all the efforts prove futile: the long and arduous labours remain unrewarded, whereas somebody else makes an unexpected discovery without ever thinking of it — while addressing entirely different tasks. This was the case with P.K. Kozlov, who made an outstanding contribution to archaeology without being a qualified archaeologist. The traveller and geographer gained world renown for his excavations carried out in 1908—09 in Khara-Khoto buried in the Gobi sands, and in 1924—25 in the Hun (*xiongnu*) burials in the Noyon Uul Mountains in Mongolia. Was it a sheer chance or 'planned' luck? Let us try to sort this out.

Fairly comprehensive literature exists about P.K. Kozlov (1863—1935) and his travels.² In this essay we will dwell in greater detail on the circumstances of the preparation and conduct of the Mongolia and Sichuan Expedition of 1907—09,³ in the course of which unique archaeological finds were made in Khara-Khoto. Those materials made it possible to reconstruct the history of the forgotten Xi-Xia state of the Tanguts, which

¹ Research supported by Russian Foundation for Humanities (project No 08-03-00443а).

² See for example: Ovchinnikova, T.N. *P.K. Kozlov as Explorer of Central Asia*. M., 1964; Zhitomirsky, S.V. *P.K. Kozlov, Explorer of Mongolia and Tibet*. M., 1989; Andreyev, A.I., Yusupova, T.I. "History of One Travel that Was not Quite Usual: P.K. Kozlov's Mongolia and Tibet Expedition (1923—1926)." *Issues of the History of Science and Technology*. 2001 (No 2), pp. 51—74; Kravklis, N. *Life and Travels of Pyotr Kuzmich Kozlov*. Smolensk, 2006.

³ See Kozlov, P.K. *Mongolia and Amdo and the Dead City of Khara-Khoto*. Petrograd, 1923; Andreyev, A.I. "On How the Dead City of Khara-Khoto Was Discovered Twice." In *From Baikal to Holy Lhasa*. SPb., Samara, Prague, 1997, pp. 61—87; Kychanov, E.I. "Temptation of Glory." *Oriental Collection*. Autumn 2000, pp. 76—80 ff.

*Знаменитый субурган в Хара-Хото
до раскопок. 1909
Архив музея П.К. Козлова, Санкт-Петербург*

*The famous suburgan in Khara-Khoto
before excavations. 1909
Archives of the P.K. Kozlov Museum, St. Petersburg*

*Статуя и голова Будды
из находок в Хара-Хото. 1926
Архив музея П.К. Козлова, Санкт-Петербург*

*Statue and the Buddha's head
from the Khara-Khoto finds. 1926
Archives of the P.K. Kozlov Museum, St. Petersburg*

*Знаменитый субурган в Хара-Хото после окончания раскопок. 1909
Архив музея П.К. Козлова, Санкт-Петербург*

*The famous suburgan in Khara-Khoto after excavations. 1909
Archives of the P.K. Kozlov Museum, St. Petersburg*

восстановить историю забытого тангутского государства Си Ся, просуществовавшего около 250 лет (892—1227) на территории современного северного Китая⁴, и положили начало развитию научного тангутоведения. Дополним ставшие уже широко известными факты более развернутыми цитатами из неопубликованных документов и редко цитируемых работ, изданных в период деятельности экспедиции⁵, чтобы глубже понять мотивацию поступков людей уже достаточно далекого от нас времени.

Особую роль в изучении центральноазиатского региона сыграли экспедиции Русского Географического общества (РГО), прежде всего Н.М. Пржевальского и блестящей плеяды его учеников и последователей. До сих пор вызывают восхищение необыкновенные количественные результаты этих путешествий: тысячи километров, пройденных по труднодоступным местам с ведением маршрутной съемки и огромное количество привезенных естественно-исторических коллекций, по сей день имеющих важное научное значение. Издававшиеся по завершению экспедиций отчеты их руководителей пользовались большой популярностью среди широких слоев населения. Экспедиции Русского Географического общества решали также геополитическую задачу: способствовали увеличению влияния России в регионе, что было важным аргументом в «Большой игре»⁶.

Но главной целью РГО являлось, прежде всего, получение новых знаний об азиатском материке, многие внутренние регионы которого в то время совершенно не имели научного освещения. С этой целью, начиная с первой экспедиции Н.М. Пржевальского, русские путешественники строили свои маршруты так, чтобы пройти как можно дальше в глубь материка. Их экспедиции охватили Алашань, Ганьсу, Джунгарию, Кашгарию, Монголию, Ордос, Сычуань, Цайдам, Северный Тибет и др. районы. Как отмечалось в письме Совета РГО к П.А. Столыпину (1862—1911),

had existed for about 250 years (892—1227) on the territory of the present-day Northern China;⁴ and laid the foundations for academic Tangut studies. Below we will try to complement the facts that are already common knowledge with more prolonged quotes from unpublished documents and from seldom cited works published during the work of the expedition⁵, in order to provide a deeper insight into the motivation of the people who lived in the days rather remote from us.

A particularly important role in the study of the Central Asian region was played by the expeditions of the Russian Geographic Society (RGS), especially those by N.M. Przhevalsky and the brilliant galaxy of his pupils and followers. The extraordinary quantitative results of those travels still cause great admiration, for they involve thousands of miles over formidable terrain with itinerary surveying, as well as the huge volume of natural science collections the travellers brought, which are still of great scientific significance. Reports of expedition heads published after the completion of the mission were highly popular with wide public from different walks of life. The Russian Geographic Society's expeditions addressed also a geopolitical task as they facilitated the growth of Russia's influence in the region, which was an important consideration in 'The Great Game'.⁶

Nevertheless, the main objective of the Russian Geographic Society was gaining more knowledge about the Asian continent, the inner areas of which often lacked scientific descriptions. For this purpose, the Russian travellers, beginning with the first expedition of N.M. Przhevalsky, made itineraries that enabled them to reach as far inland, into the depth of the continent, as possible. Their expeditions encompassed Alashan, Gansu, Jungaria, Kashgaria, Mongolia, Ordos, Sichuan, Tsaidam, Northern Tibet and other areas. As pointed out in a letter from the Council of the Russian Geographic Society to P.A. Stolypin (1862—1911), "these expeditions brought rich

⁴ См.: Кычанов Е.И. Звучат лишь письма. М., 1965; 2-е изд.: Рыбинск, 2002; *Он же*. Очерк истории тангутского государства. М., 1968; *Он же*. Император Великого Ся. Новосибирск, 1991; Лубо-Лесниченко Е.И., Шафрановская Т.К. Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.

⁵ Большинство публикаций об этой экспедиции основывается на книге П.К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото» (Пг., 1923), подготовленной по дневниковым записям. Работу над этой книгой Козлов начал спустя более 10 лет после окончания Монголо-Сычуаньской экспедиции, поэтому некоторые события были опущены или несколько переосмыслены. Кроме того, Козлову в подготовке книги помогала его жена Е.В. Козлова (1892—1975), которая в стремлении придать публикации более научный, академический характер значительно откорректировала своеобразный авторский стиль, что, на наш взгляд, также сказалось на восприятии описываемых событий.

⁶ «Большая игра» нашла достаточно полное отражение в российской и зарубежной историографии. Из работ последних лет см., напр.: Постников А.В. Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2005, в которой приведен подробный анализ литературы на эту тему.

⁴ See Kychanov, E.I. *Only Writings Sound*. M., 1965; 2nd ed.: Rybinsk, 2002; *Id. Essay on the History of the Tangut State*. M., 1968; *Id. Emperor of the Great Xia*. Novosibirsk, 1991; Lubo-Lesnichenko, E.I., Shafranovskaya, T.K. *Dead City of Khara-Khoto*. M., 1968.

⁵ Most publications about the expedition are based on P.K. Kozlov's book *Mongolia and Amdo and the Dead City of Khara-Khoto* (Petrograd, 1923), prepared from diary entries. Kozlov began writing the book 10 years after the expedition was over, therefore some events were left out or reinterpreted. Besides, the traveller's wife E.V. Kozlova (1892—1975), who was helping him with the preparation of the book, wishing to give the book a more academic tone, considerably edited his peculiar style, which, in our opinion, affected also the perception of the events described.

⁶ 'The Great Game' has been fully enough reflected in Russian and foreign historiography. Notable among the recent works is this: Postnikov, A.V. *Politicians, Spies and Geographers in the Struggle for the Pamir in the 19th Century*. M., 2005, in which detailed analysis of literature on the subject is given.

«экспедиции эти доставили богатый материал для географической науки, а русские путешественники заняли первое место в ряду исследователей Азии»⁷.

К концу XIX в. в основном закончилось экстенсивно-описательное изучение Центральной Азии. В 1888 г., подводя его первые итоги, Н.М. Пржевальский указал для крупных рекогносцировок несколько районов, среди них все Северо-Тибетское плато, Восточный Тибет и Амдо, горную окраину всей юго-восточной Монголии с включением Алашаньских гор, а также северной части Монголии⁸.

Намеченную великим путешественником программу наиболее последовательно воплощал в жизнь его самый выдающийся ученик — П.К. Козлов. К моменту организации Монголо-Сычуаньской экспедиции Козлов — известный и уже авторитетный путешественник. За его плечами — участие в четвертой Центральноазиатской экспедиции Н.М. Пржевальского 1883—1885 гг., Тибетской экспедиции М.В. Певцова 1889—1890 гг., Тибетской экспедиции В.И. Роборовского 1893—1895 гг. Особенно ярко талант Козлова как путешественника-натуралиста проявился во время его первой самостоятельной Монголо-Камской экспедиции 1899—1901 гг. В результате этой экспедиции, прошедшей со съемкою более 10 000 км, были нанесены на карту крупнейшие хребты в Восточном и Центральном Тибете: хребет Русского Географического общества, хребет Водораздел (бассейнов Хуанхэ и Янцзы), хребет Рокхилла и др.⁹ И хотя ее маршрут пролегал по неисследованным и труднодоступным территориям, научные результаты превзошли все ожидания — П.К. Козлов привез в Санкт-Петербург огромную и необычайно разнообразную естественно-историческую коллекцию, интересные этнографические сведения о кочевых племенах Восточного Тибета, ценнейшие данные по зоогеографии совершенно неизученных областей. За этот вклад в изучение Центральной Азии РГО наградило путешественника своей высшей наградой — Константиновской золотой медалью.

Подготовка нового путешествия началась сразу же по окончании написания отчета о Монголо-Камской экспедиции, вышедшего в двух томах в 1905—1906 гг.¹⁰ Первоначально планировалось, что новый маршрут пройдет по Южной Монголии и той части Кама, который на западе граничил с обратным маршрутом Козлова в предыдущей экспе-

materials for geographic studies, Russian travellers occupying the first ranks among the explorers of Asia.”⁷

By the end of the 19th century, the exploration of Central Asia by extensive and descriptive methods had been completed on the whole. In 1888, summing up its first results, N.M. Przhevalsky pointed out several areas for further major studies, which included the North-Tibetan Plateau, Eastern Tibet and Amdo, the mountainous borders of the entire south-east of Mongolia including the Alashan Mountains and the northern part of Mongolia.⁸

The program outlined by the great traveller was most consistently implemented by his foremost follower — P.K. Kozlov. By the time his Mongolia and Sichuan Expedition was organized, Kozlov had already become a famous and authoritative traveller. His experience included participation in N.M. Przhevalsky's Fourth Central Asian Expedition of 1883–85, in M.V. Pevtsov's Tibetan expedition of 1889–90 and in V.I. Roborovsky's Tibetan expedition of 1893–95. Kozlov's talent as natural scientist and traveller brightly manifested itself in his first independent Mongolia and Kham Expedition (1899–1901), as a result of which over 10,000 km were surveyed and the largest mountain ridges in Eastern and Central Tibet were mapped (the Russian Geographic Society Ridge, the Watershed Ridge — of the Huang He and Yangzi basins — and the Rockhill Ridge).⁹ Although the expedition's itinerary passed through unexplored areas difficult of access, its results exceeded every expectation, for Kozlov brought to St. Petersburg a huge and extremely diverse natural collection, a wealth of interesting ethnographic information about the nomadic tribes of Eastern Tibet, as well as invaluable data on the zoological geography of totally unstudied regions. For this contribution to the study of Central Asia, the Russian Geographic Society awarded the traveller its highest decoration — the Constantine Gold Medal.

P.K. Kozlov began preparing his new travel immediately upon writing his report on the Mongolia and Kham Expedition, which appeared in two volumes in 1905–06.¹⁰ Initially it was planned that the new itinerary would pass through Southern Mongolia and the part of Kham bordering in the west on the return itinerary of Kozlov's preceding expedition and in the east

⁷ АРГО. Ф. 1-1907. Оп.1, ед. хр. 5. Л. 9 (16 июня 1907 г.).

⁸ Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лопнор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 65.

⁹ К сожалению, русские названия этих хребтов сейчас не используются в международной картографической практике.

¹⁰ Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. 1. Ч. I. По Монголии до границ Тибета. СПб., 1905; Т. 1. Ч. II. Кам и обратный путь. СПб., 1906.

⁷ ARGS. Fond 1-1907. Inv. 1, unit 5, f. 9 (16 June 1907).

⁸ Przhevalsky, N.M. *From Kiakhta to the Sources of the Yellow River. Exploration of the Northern Borders of Tibet and the Road through Lop Nor along the Tarim Basin*. SPb., 1888. p. 65.

⁹ Regrettably, nowadays the Russian names of the ridges are not used in international cartography.

¹⁰ *Mongolia and Kham. Transactions of the IRGS Expedition of 1899–1901 Headed by P.K. Kozlov*. Vol. 1, part I (“Across Mongolia to the Borders of Tibet”), SPb., 1905; Vol. 1. Part II (“Kham and the Return Journey”), SPb., 1906.

диции, а на востоке — с маршрутом экспедиции Г.Н. Потанина 1884—1886 г. в Ганьсу¹¹. Но в силу обострившихся российско-английских отношений по Тибету¹² Министерство иностранных дел нашло «неудобным» отправить экспедицию в эти районы.

Весной 1907 г. Козлов вновь поднял вопрос об экспедиции, изменив ее маршрут с Кама на северную часть провинции Ганьсу. После разговора с П.П. Семеновым-Тян-Шанским и получения предварительного согласия вице-председателя Русского Географического общества Козлов, как офицер Генерального штаба, доложил своему непосредственному начальству о «желании Императорского Русского Географического общества организовать экспедицию исключительно для научного исследования малоизвестных до сего времени областей Монголии и северо-западной части провинции Ганьсу и поручить ведение названной экспедиции ему, Козлову»¹³.

На этот раз Министерство иностранных дел уведомило начальника Главного штаба «что с точки зрения политической, в частности, наших отношений к Англии, проект Географического общества, маршрут исследования, обнимая лишь северную часть провинции Ганьсу и Кукунорскую области, никаких неудобств и возражений» с их стороны «встретить не может, конечно, при условии, что подполковник Козлов будет придерживаться намеченного маршрута, не вдаваясь в области, связанные с Тибетом»¹⁴. Об этом заместитель начальника Главного штаба сообщил в своем письме в Русское Географическое общество от 16 мая 1907 г.

24 мая 1907 г. П.П. Семенов-Тян-Шанский представил проект новой экспедиции Козлова на рассмотрение Совета Императорского Русского Географического общества. В докладной записке Козлов, поясняя свое желание вновь отправиться в путешествие, писал: «Продолжая раз принятую на себя задачу — исследование Центральной Азии, я считаю своим долгом, помимо страстного к тому желания, вновь отправиться “туда” и поработать там насколько хватит сил и умения для пользы географической и естественно-исторической науки»¹⁵.

Говоря о финансировании экспедиции, П.П. Семенов-Тян-Шанский предложил Совету рассмотреть вопрос об использовании для этой цели капитал несостоявшейся Месопотамской экспедиции¹⁶, выделенный по «высочайшему повелению» еще в 1903 г.

on G.N. Potanin's expedition route of 1884–86 to Gansu.¹¹ But in view of the straining Russo-British relations over Tibet,¹² the Russian Ministry of Foreign Affairs though it 'improper' to send an expedition into those areas.

In the spring of 1907 Kozlov again raised the question of the expedition, having changed its itinerary from Kham to the northern part of Gansu Province. After talking with P.P. Semyonov-Tian-Shansky and obtaining a preliminary approval from the Vice-Chairman of the Geographic Society, Kozlov reported, in the capacity of an officer of the General Staff, to his direct superiors “of the desire of the Russian Imperial Geographic Society to organize an expedition purely for a scientific study of hitherto little known areas in the north-west of Gansu, entrusting the expedition leadership to him, Kozlov.”¹³

This time the Ministry for Foreign Affairs intimated to the Chief of the General Staff that “from political viewpoint, in particular with regard to our relations with Britain, the Geographic Society project and the itinerary embracing as it does only the northern part of Gansu Province and Koko Nor area, can cause”, on their part, “no qualifications or objections, provided, of course, that Lieutenant-Colonel Kozlov follows the itinerary planned without straying into areas connected with Tibet.”¹⁴ The Deputy Chief of the General Staff accordingly informed the Russian Geographic Society by his letter sent there on 16 May 1907.

On 24 May 1907 P.P. Semyonov-Tian-Shansky submitted Kozlov's new expedition project to the Council of the Russian Imperial Geographic Society for deliberation. In his dispatch Kozlov wrote, explaining his desire to embark on a new journey: “Continuing the once assumed task of studying Central Asia, I regard it as my duty, apart from an enthusiastic desire, to go ‘there’ again and work for the benefit of the sciences of geography and natural history as far as my proficiency and health permit me.”¹⁵

When speaking about the funding for the expedition, P.P. Semyonov-Tian-Shansky proposed that the Council should consider the use for the purpose of the capital for the unrealized expedition to Mesopotamia,¹⁶ assigned by ‘the august order’ as early as 1903.

¹¹ См.: Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия. СПб., 1893.

¹² Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006.

¹³ АРГО. Ф. 1-1907. Оп. 1, ед. хр. 5. Л. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Известия ИРГО. Т. 43. СПб., 1907. С. 44.

¹⁶ Экспедиция для исследования Месопотамии и Курдистана была инициирована членом РГО, штабс-капитаном лейб-гвардии Егерского

¹¹ See Potanin, G.N. *The Tangut and Tibetan Outlying Areas of China and Central Mongolia*. SPb., 1893.

¹² Andreyev, A.I. *Tibet in the Policies of Tsarist, Soviet and Post-Soviet Russia*. SPb., 2006.

¹³ ARGS. Fond 1-1907. Inv. 1, unit 5, f. 3.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *PIRGS*. Vol. 43 (1907), p. 44.

¹⁶ The expedition for the study of Mesopotamia and Kurdistan was initiated by P.A. Rittich, member of the RGS, Staff-Captain of the Imperial Life-Guard Chasseur Regiment. The Emperor's order assigned 25,000 roubles for the organization and conduct of the expedition, which was planned for the autumn of 1903, but never took place because of various political and organizational problems. ARGS. Fond 1-1903. Inv. 1, file 1.

Однако не все участники заседания¹⁷ были единодушно настроены поддержать новую инициативу Козлова. Из протокола видно, что Совет вообще сомневался, нужно ли расходовать такие большие средства на «исследование отдаленных стран, хотя и сопредельных с Россией», и если испрашивать разрешение на изменение цели выданного Обществу капитала, то, «может быть, деньги эти могли бы быть употреблены на несколько экспедиций в Западной Азии, в странах, более близких к России»¹⁸. Кроме того, Совет попросил Козлова представить более подробный маршрут предполагаемой экспедиции.

Повторное рассмотрение вопроса об экспедиции состоялось на заседании Совета Русского Географического общества 29 мая 1907 г., на которое был приглашен Козлов для более обстоятельного доклада. В своем выступлении путешественник отметил, что его прежде всего интересует территория Кама и Сычуани, но «проект этот встретил затруднения и препятствия со стороны Министерства иностранных дел, стоящего, конечно, в непосредственной близости с международной политикой, с политикой англичан; с этим обстоятельством приходится считаться». Поэтому, оставляя в стороне Кам, он решил подробнее изучить те районы, которые рекомендовало Министерство иностранных дел, «существенным заботам» которого он, «как и всякий русский путешественник, невольно попадает, преступив отечественную границу»¹⁹. Окончательно маршрут был выбран следующий: из Урги — меридиональное пересечение Гоби (новым маршрутом) до Дэньюаньина, где при содействии Алаша-вана и помощи бывшего спутника Козлова, а теперь представителя торгового дома «Собейников и бр. Молчановы» Цокто Гармаевича Бадмажапова (1879—1937), планировалось устроить базу экспедиции. В Дэньюаньине в январе 1908 г. экспедиция разделится на две партии: западную и восточную.

Первая, с геологом во главе, должна была «обстоятельно поработать при изучении исторической дороги Ганьчжоу—Хара-морит—Пекин..., затем из Ганьчжоу сделает петлю до монастыря (в области песков) Таги-чойлин и долины Эдзин-Гола и направится далее или в сторону базы,

полка П.А. Риттихом. На ее организацию и проведение по императорскому указу было отпущено 25 000 руб.

Начало экспедиции планировалось на осень 1903 г., но она, в силу разных политических и организационных проблем, так и не состоялась. АРГО. Ф. 1-1903. Оп. 1. Д. 1.

¹⁷ На заседании присутствовали: П.П. Семенов-Тян-Шанский (вице-председатель РГО), М.А. Рыкачев, Ю.М. Шокальский, Д.П. Семенов-Тян-Шанский, В.П. Семенов-Тян-Шанский, А.В. Григорьев (помощник председателя РГО), П.В. Охочинский, Н.Д. Артамонов, С.Ф. Ольденбург, А.И. Воейков, С.Н. Никитин, князь В.И. Масальский, А.А. Достоевский (секретарь РГО), М.Е. Огородников (казначей РГО).

¹⁸ Известия ИРГО. 1907. Т. 18. СПб., 1907. С. 43.

¹⁹ Там же. С. 49.

Not all the council members, however, were willing to support Kozlov's initiative unanimously.¹⁷ It is seen from the minutes that the Council was not at all certain that those large funds "should be spent on the study of such far-away countries, even though they border on Russia," and if permission was to be sought to change the designation of the money given to the Society, then "the same funds might be used on expeditions into Western Asia, in countries located closer to Russia."¹⁸ Besides, the Council requested Kozlov to submit a more detailed itinerary of the proposed expedition.

The issue of the expedition was again deliberated by the Council of the Russian Geographic Society on 29 May 1907, where Kozlov had been invited for a more detailed report. In his speech the traveller pointed out that his primary interest was the area of Kham and Sichuan, but "the project had posed objections and obstacles on the part of the Ministry of Foreign Affairs, which was, of course, involved with the international policies — the British policies, a circumstance to be reckoned with." For this reason leaving the exploration of Kham over he decided to focus on the areas recommended by the Ministry of Foreign Affairs, in whose cares he, "like any other Russian traveller, involuntarily found himself the moment he stepped over his country's border."¹⁹ Finally, the following itinerary was chosen: from Uрга the Gobi was to be crossed along the meridian (via a new route) down to Dennyuaning, where it was planned, with the assistance of the Alasha-wang and Kozlov's former co-traveller Tsokto Garmayevich Badmazhapov (1879—1937) (who had become a representative of the Sobeynikov and the Molchanov Bros. trading house) to set up the expedition base. There the expedition was to split in January 1908 into two teams: the western and eastern groups.

The first one, led by a geologist, was supposed "to work extensively on the study of the historical road Ganzhou—Khara-Morit—Beijing..., then it was to turn from Ganzhou to Tagichoiling monastery and the Ejin-Gol valley and from there to move further or in the direction of the base or southwards, through Nan Shan to the shores of Lake Koko Nor." The other team, headed by P.K. Kozlov, was to do an all-round study of the Alashan Ridge and the other mountains adjoining the Huang He Valley. It was planned also to pay as much attention as possible to the study of the life, religion and outlook of the local people. By the autumn the entire expedition was to gather on the shores of Lake Koko Nor, and in 1909 to study Sichuan.

¹⁷ The meeting was attended by: P.P. Semyonov-Tian-Shansky (RGS Vice-Chairman), M.A. Rykachev, Yu.M. Shokalsky, D.P. Semyonov-Tian-Shansky, V.P. Semyonov-Tian-Shansky, A.V. Grigoryev (Assistant to RGS Chairman), P.V. Okhochinsky, N.D. Artamonov, S.F. Oldenburg, A.I. Voyeykov, S.N. Nikitin, Prince V.I. Masalsky, A.A. Dostoyevsky (RGS Secretary), M.E. Ogorodnikov (RGS Treasurer).

¹⁸ *PIRGS*. Vol. 18 (1907), p. 43.

¹⁹ *Ibid.*, p. 49.

или же в южном направлении, через Нань-шань до берегов Куку-нора». Вторая партия, во главе с Козловым, планировала заняться всесторонним обследованием Алашаньского хребта и других, прилежащих к долине Хуанхэ гор. По мере возможности предполагалось уделить внимание изучению быта, религии, «мировоззрения» местных жителей. К осени экспедиция в полном составе соберется на берегах озера Кукунор, а в 1909 г. займется изучением Сычуани.

Таким образом, Козлов условно разделил работу экспедиции на три периода: монгольский, кукунорский и сычуаньский. Кроме того, он очень надеялся, что ему представится случай встретиться с Далай-ламой, пребывающим в монастыре Гумбум²⁰.

В этот раз Совет одобрил проект и признал намеченный маршрут «совершенно правильным для выяснения тех серьезных и в высшей степени интересных задач, которые ставятся Козловым целью экспедиции»²¹ и отметил, что «экспедиция тем более желательна, что Министерство иностранных дел ныне не встречает препятствий к ее осуществлению», а во главе ее «становится такой опытный путешественник, как Козлов, пока еще полный сил и энергии и страстно желающий работать для науки»²².

С финансированием также особых проблем не было. Кроме 25 000 руб., оставшихся от несостоявшейся экспедиции в Месопотамию, Николай II дополнительно даровал Козлову для снаряжения экспедиции 5000 руб. на «непредусмотренные сметами надобности»²³. На этом монаршее внимание не закончилось. Во время аудиенции, состоявшейся 5 июля 1907 г., Козлов обратился к императору с просьбой «по примеру прежней Тибетской экспедиции, окончившейся столь благополучно», получить благословение и на этот раз. Николай II заметил: «Ныне я не прощаюсь. Я хочу Вас видеть перед самым отъездом в Ваше далекое путешествие, ведь еще предстоит масса хлопот и времени на снаряжение»²⁴.

Так и оказалось. Выступление экспедиции затянулось из-за разных организационно-бюрократических проволочек до октября. Окончательно официальное «высочайшее соизволение на осуществление экспедиции в Южную Монголию под начальством подполковника Козлова» было получено 2 октября 1907 г. Правда, задержка оправдывалась еще одним добавлением финансирования, на этот раз из сумм Военного министерства 12 894 руб. и из средств Государственного казначейства 10 657 руб. 62 коп.²⁵ Данное реше-

Thus, Kozlov divided the expedition work into three stages: Mongolia, Koko Nor and Sichuan. Besides, he hoped very much that he would have a chance to see the Dalai Lama, who was living in the monastery of Kumbum²⁰ at that time.

The Council now approved the project and recognized the proposed itinerary as “absolutely correct for the serious and most interesting objectives Kozlov set for the expedition”²¹ and observed that “the expedition is all the more desirable since the Ministry of Foreign Affairs currently sees no obstacles to its conduct,” whereas “it is headed by such an experienced traveler as Kozlov, who is still full of strength, energy and zeal to work for science.”²²

The expedition funding did not prove difficult either. In addition to the 25,000 roubles left from the unrealized Mesopotamian project, Nicholas II made a present of 5,000 roubles to equip Kozlov’s expedition, “for needs unforeseen by the estimate.”²³ The august attention did not cease at that. During the audience, which took place on 5 July 1907, Kozlov asked the Emperor to give his blessings again, “as in the case of the preceding Tibetan expedition, which had ended so happily.” Nicholas II replied, “I am not saying goodbye now. I want to see you right on the eve of your distant journey, for there are still a lot of time-consuming preparations and trouble ahead.”²⁴

The tsar was right. The expedition start was delayed by organizational and red tape procrastination until October. The ultimate official “august endorsement of Lieutenant-Colonel Kozlov’s expedition to Southern Mongolia” was received on 2 October 1907. Admittedly, the delay was partly justified by the addition of yet other sources of financing as 12,894 roubles came this time from the War Ministry and 10,657 roubles 62 kopecks from the State Treasury.²⁵ The decision had satisfied the Geographic Society’s appeal to the General Staff to assume, “in order to save the expedition’s means for scientific research,” the responsibility for catering for the officer participants in the expedition “in the highest degree deemed possible.”²⁶ The Council of the Russian Geographic Society explained its request by a prospect of broadening the range of tasks to be tackled by the expedition – in addition to geographic studies and gathering of natural science materials, ethnographic and other collections, it would be advisable in the opinion of the Geographic Society, “to gather economic

²⁰ Там же. С. 48—51.

²¹ Там же. С. 46.

²² Известия ИРГО. 1907. Т. 43. С. 46.

²³ АРГО. Ф. 1-1907. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

²⁴ Там же. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 154. Л. 2. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

²⁵ АРГО. Ф. 1-1907. Оп. 1, ед. хр. 5. Л. 35. Письмо начальника Главного штаба к П.П. Семенову. 4 октября 1907 г.

²⁰ *Ibid.*, pp. 48–51.

²¹ *Ibid.*, p. 46.

²² *PIRGS*. Vol. 43 (1907), p. 46.

²³ *ARGS*. Fond 1-1907. Inv. 1, unit 5, f. 12.

²⁴ *Ibid.* Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 2. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1.

²⁵ *Ibid.* Fond 1-1907. Inv. 1, unit 5, f. 35. Letter of the Chief of General Staff to P.P. Semyonov. 4 October 1907.

²⁶ *Ibid.*, f. 34. 24 August 1907.

ние явилось удовлетворением просьбы РГО к Главному штабу «в целях экономии экспедиционных средств на научные изыскания» взять на себя содержание всеми видами довольствия офицерский состав экспедиции, причем «в той высшей мере, как только это представляется возможным»²⁶. Свою просьбу Совет РГО аргументировал также возможностью расширения задач, стоящих перед экспедицией: кроме географического изучения и сбора естественно-исторических, этнографических и др. коллекций с точки зрения РГО было бы целесообразно включить в программу также «сбор сведений по вопросам экономическим, польза и необходимость которых доказана на деле прошлой экспедиции Козлова в Тибет»²⁷. По-видимому, именно для этой цели были выделены суммы Государственного казначейства.

17 октября 1907 г. состоялась очередная аудиенция и, «откланившись государю императору и наследнику-цесаревичу»²⁸, на следующий день, 18 октября, Козлов выехал из Санкт-Петербурга. Завершив в течение двухнедельного пребывания в Кяхте последние приготовления к далекому путешествию, 9 января 1908 г. экспедиция прибыла в столицу Монголии Ургу.

Перед экспедицией ставились исключительно задачи географического познания региона и сбор естественно-научных коллекций. Однако неожиданное обстоятельство внесло коррективы в планы Козлова. Предположительно в конце июня Козлов получил письмо от Ц.Г. Бадмажапова (отправленное 15 мая 1907 г. из Алашани), который являлся постоянным информатором Козлова²⁹, источником разнообразных сведений о Китае, так необходимых для организации путешествия в малоизученный регион. В этом письме Бадмажапов сообщал об интересной находке, сделанной им во время коммивояжерской поездки на Эдзин-Гол: «Около песков между долинами Гойцзо и Эдзин-Гол наткнулся на развалины Хара-Хото или Хара-байшин, где специально дневал, [чтобы] сделать снимки и кое-что записать <...> Здесь прилагаю четыре снимка развалин, которые покажите П.П. Семенову-Тян-Шанскому и сообщите ему, что думаю написать маленькую брошюру о своей поездке и развалинах и почтой послать П.П. Семенову-Тян-Шанскому. Не знаю, что-нибудь выйдет ли?»³⁰.

information as well, the usefulness and essentiality of which was proven in practice by Kozlov's preceding expedition to Tibet.”²⁷ It was evidently for this purpose that the State Treasury allocated its money.

On 17 October 1907, the next august audience was granted, and “after saying goodbye to His Majesty the Emperor and the heir to the throne,”²⁸ Kozlov left St. Petersburg the following day, 18 October. After completing the last preparations for the distant journey during a fortnight-long stay in Kiahkhta, the expedition arrived in Urga, the capital of Mongolia, on 9 January 1908.

The expedition's tasks were confined exclusively to geographic studies of the region and gathering natural-science collections. An unexpected circumstance, however, introduced a change into Kozlov's plans. Supposedly at the end of June Kozlov received a letter (posted in Alashan on 15 May 1907) from T.G. Badmazhapov, who was Kozlov's regular informant on various things Chinese, so essential for organizing an expedition into an unfamiliar region.²⁹ Badmazhapov informed him of an interesting find he had made travelling as a salesman to Ejin-Gol: “Near the sands between the valleys of Guizuo and Ejin-Gol I stumbled on the ruins of Khara-Khoto or Khara-Baishin, where I stayed for a day to take pictures and make some notes... I am enclosing four photographs of the ruins; show them to P.P. Semyonov-Tian-Shansky and tell him I intend to write a booklet about my trip and the ruins and mail it to him. I do not know whether anything will come of it.”³⁰

The oasis in the lower reaches of the Ejin-Gol constantly attracted the attention of expeditions travelling in those parts. Thus, G.N. Potanin's expedition stopped there for a day in 1886. The traveller wrote in his report: “Talking of ancient monuments, they (the Torgouts) mention the ruins of Erkhe-Khara-buryuk, i.e. near the easternmost arm of the Ejin; they say, a small *kerim*, i.e. the wall of a small city, is seen there, with many houses buried in the sand around. Digging in the sand, they find silver objects. The *kerim* is surrounded by masses of quicksand, and there is no water nearby.”³¹

²⁶ Там же. Л. 34. 24 августа 1907 г.

²⁷ Там же. Л. 33 об. Речь идет о работе, проделанной В.Ф. Ладыгиным во время Монголо-Камской экспедиции Козлова 1899–1901 гг. См.: Ладыгин В.Ф. Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899–1901 гг., снаряженной Императорским Русским Географическим обществом в Центральную Азию // Известия ИРГО. 1902. Т. 38. Вып. 4. С. 341–465.

²⁸ АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 154. Л. 2 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

²⁹ См.: Юсупова Т.И. Переписка Ц.Г. Бадмажапова с П.К. Козловым (публикация писем) // Известия РГО. 2004. Вып. 2. С. 75–96.

³⁰ Там же. С. 83.

²⁷ *Ibid.*, f. 33v. What is meant is the work done by V.F. Ladygin during Kozlov's Mongolia and Kham expedition of 1899–1901. See Ladygin, V.F. “Some Data on the State of Trade in Gansu, Tibet and Mongolia Gathered during the Expedition of 1899–1901 Arranged by the Imp. Geographic Society to Central Asia.” *PIRGS*. Vol. 38. Issue 4 (1902), pp. 341–465.

²⁸ ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 2v. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1.

²⁹ See Yusupova, T.I. “Correspondence of T.G. Badmazhapov with P.K. Kozlov (letters publication).” *Proceedings of the RGS*. Issue 2 (2004), pp. 75–96.

³⁰ *Ibid.*, p. 83.

³¹ Potanin, G.N. *The Tangut and Tibetan Outlying Areas of China and Central Mongolia*. Vol. 1. SPb., 1893, p. 464.

Оазис в низовьях Эдзин-Гола постоянно привлекал внимание экспедиций, проходивших по этим местам. В 1886 г. здесь останавливалась на дневку экспедиция Г.Н. Потанина. В своем отчете путешественник писал: «Из памятников древности [торгоуты] упоминают развалины Эрхэ-харабу-рюк, то есть от самого восточного рукава Едзина; тут, говорят, виден небольшой *кэрим*, т. е. стены небольшого города, но вокруг много следов домов, которые засыпаны песком. Разрывая песок, находят серебряные вещи. В окрестностях *кэрима* большие сыпучие пески, и воды близко нет»³¹.

В 1893 г. эти же места посетил В.А. Обручев³², а в 1900 г. сюда для проведения исследований низовьев Эдзин-Гола Козлов направил своего помощника А.Н. Казнакова³³. Но дополнительных сведений о развалинах древнего города получить никому из них не удалось.

Сообщение Бадмажапова о посещении Хара-Хото вызвало большой интерес Козлова. Незадолго до отъезда экспедиции он обсуждал этот вопрос с В.А. Обручевым, от которого, как пишет Козлов, «торгоуты скрыли существование Хара-Хото и возможность проникновения в Алаша по кратчайшей дороге, принудив его сделать огромный крюк, чтобы пересечь владения Алаша-цинъ-вана на северо-востоке, а не на северо-западе, как того желал наш талантливый геолог»³⁴. Если посмотреть на карту пути, пройденного А.Н. Казнаковым, можно увидеть, что он также совсем немного не дошел до Хара-Хото: проводники провели его, обогнув древний город. Возможно, это объясняется особым отношением торгоутов к этому месту, как к своеобразному пантеону духов их предков.

В начале XX в. в центральноазиатском регионе западные исследователи проводили в Восточном Туркестане, в бассейне р. Тарим, в Турфанской котловине и других местах активные археологические раскопки в обнаруженных ими развалинах древних городов, которые дали ценный научный материал. Как отмечает Д.Н. Анучин, «русским исследователям трудно было соперничать с подобными богато оснащенными экспедициями англичан, немцев и др.»³⁵. Российская археология явно проигрывала в этом своего рода соревновании, хотя в распоряжении ученых имелись материалы, собранные в конце XIX — начале XX в. в Турфане и Китайском Туркестане Н.Ф. Петровским, Д.И. Клеменцем, М.М. Березовским и др., но, «не имея в своем распоряже-

In 1893 the same places were visited by V.A. Obruchev,³² and in 1900 Kozlov sent there his assistant A.N. Kaznakov to investigate the low reaches of the Ejin-Gol.³³ Yet none of them was able to get any extra information on the ruins of the ancient city.

Badmazhapov's letter about a visit to Khara-Khoto interested Kozlov immensely. Shortly before his expedition's departure, he discussed the matter with V.A. Obruchev, from whom, as Kozlov writes, "the Torgouts concealed the existence of Khara-Khoto and the possibility of reaching Alasha by the shortest route; they induced him to make a very long detour — for him to cross the Alasha-qin-wang's lands in the north-east instead of the north-west as the talented geologist wanted to."³⁴ It is clear from the map of A.N. Kaznakov itinerary that he was also very near Khara-Khoto when his guides simply by-passed the ancient city. That was probably due to the special reverential attitude of the Torgouts to the place as a kind of pantheon of their ancestors' spirits.

In the early 20th century Western archaeologists actively carried out excavations in the ruined ancient cities they found in Eastern Turkestan, in the Tarim Basin, in Turfan depression and elsewhere, obtaining valuable research materials. As D.N. Anuchin points out, "it was hard for the Russian explorers to compete with the richly equipped expeditions of the Britons, Germans and others."³⁵ The Russian archaeologists were clearly losing in this competition, although they had at their disposal materials collected in the late 19th and early 20th century in Turfan and Chinese Turkestan by N.F. Petrovsky, D.A. Klementz, M.M. Berezovsky and others; "as they did not have considerable means at their disposal, they could not collect much and were unable to conduct prolonged systematic excavations."³⁶ For that reason the attention Kozlov showed to the information provided by the former participant in his expedition is not surprising.

The search for Khara-Khoto did not entail any special changes either in the itinerary of the expedition or its schedule. On 25 January 1908, after directing the main caravan of the expedition to Dennyuanying, Kozlov made way through the mountain-mass Gurban Saikhan to the natural boundary of Ugaljin-Tologoi, to the headquarters of Baldyn-*jasak*, for making a trip to the lower reaches of the Ejin-Gol and Khara-Khoto to verify the information about the ancient city.

³¹ Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Т. 1. СПб., 1893. С. 464.

³² Обручев В.А. Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии. Т. 2. СПб., 1901. С. 399—400.

³³ Казнаков А.Н. Мои пути по Монголии и Каму // Монголия и Кам. Труды экспедиции ИРГО, совершенной в 1899—1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1907. С. 47—53.

³⁴ Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Пг., 1923. С. 101.

³⁵ Русские ведомости. 1909. 20 сентября. С. 2. «Из экспедиции Козлова».

³² Obruchev, V.A. *Central Asia, Northern China and Nan Shan. Travel Report*. Vol. 2. SPb., 1901, pp. 399—400.

³³ Kaznakov, A.N. "My Roads about Mongolia and Kham." *Mongolia and Kham. transactions of the IRGS Expedition of 1899—1901 Headed by P.K. Kozlov*. Vol. 2. Issue I (1907), pp. 47—53.

³⁴ Kozlov, P.K. *Mongolia and Amdo and the Dead City of Khara-Khoto*. Petrograd, 1923, p. 101.

³⁵ "From Kozlov's Expedition." *Russian Gazette*. 1909. 20 September, p. 2.

³⁶ *Ibid.*

нии значительных средств, они не могли собрать много и не в состоянии были производить продолжительные систематические раскопки»³⁶. Поэтому не удивительно то внимание, с которым Козлов отнесся к информации бывшего участника его экспедиции.

Поиск Хара-Хото не вносил особых изменений ни в маршрут экспедиции, ни во временной график ее следования. 25 января 1908 г., отправив основной караван экспедиции в Дэньюаньин, Козлов направился через массив Гурбун-Сайхан в урочище Угольцин-тологой, в ставку Балдын-дзасака, чтобы совершить поездку в низовья Эдзин-Гола, к Хара-Хото, и самому проверить полученную информацию о древнем городе.

В экспедиционном дневнике П.К. Козлов записывает: «Мы все одинаково стремимся к югу, к теплу, к природе, к новизне. Нас манят горы — звенья Монгольского Алтая, нас манит таинственный засыпанный песками город Хара-Хото»³⁷. Это стремление предопределило темп движения экспедиции: «Мы не засиживаемся в недрах Монгольской пустыни, — сообщает Козлов в Русское Географическое общество, — как и прежде, так и теперь экспедиция идет по Монголии большими переходами, устраивая дневки лишь в самых крайних случаях»³⁸.

В ставке Балдын-дзасака состоялся «деловой разговор» о дальнейшем пути на Эдзин-Гол. «В конце концов, — отмечает Козлов, — я был рад результатам переговоров. Мы в перспективе видели исполнение своих заветных планов: нам не отказали ни в знании о Хара-Хото, ни в возможности отыскать верблюдов и проводника, но, конечно, не поспешили содрать с нас высокую плату — 1 1/2 лан»³⁹. Чуть позже в письме в РГО Козлов напишет, что он убедился в том, «что как название Хара-Хото, так и сами развалины ведомы некоторым из обитателей балдын-дзасаковских владений. Сам Балдын-дзасак рассказывал <...> про Хара-Хото немало интересного»⁴⁰. Например, что «там торгоуты втихомолку копают, ища скрытых богатств»⁴¹.

1 марта 1908 г. в сопровождении Балдын-дзасака экспедиция направилась на юго-юго-запад, в низовье Эдзин-Гола, к оз. Сого-нор. Из урочища Бага-мото Козлов решил следовать новой, еще не изученной дорогой, «в надежде скорее прибыть к Сого-нору и лишней день провести в тепер уже

In the expedition journal Kozlov makes this entry: “We all are equally attracted by the south, by the warmth, nature and novelty. The mountains beckon to us — the chains of the Mongolian Altai, and so does the mysterious sand-covered city Khara-Khoto.”³⁷ This desire pre-determined the rate of movement. “We do not stay long in the depth of the Mongolian desert,” wrote Kozlov to the Russian Geographic Society. “As before, the expedition moves across Mongolia in long marches, making day stops only in emergencies.”³⁸

In Baldyn-*jasak*'s office Kozlov had “a serious discussion” of his further way to the Ejin-Gol. “In the end,” Kozlov notes, “I was pleased with the results of the negotiations. There were prospects of our cherished plans coming true: they did not deny the knowledge of Khara-Khoto, nor did they refuse to find camels and a guide for us, but they did not hesitate to charge us an extortionist's amount — one and a half *langs*.”³⁹ A little later, in his letter to the Russian Geographic Society, Kozlov writes that “both the name Khara-Khoto and its ruins are familiar to some of the inhabitants of Baldyn-*jasak*'s lands. Baldyn-*jasak* himself told quite a few interesting things ... about Khara-Khoto.”⁴⁰ He says, for example, that “the Torgouts are digging by stealth, looking for hidden riches.”⁴¹

On 1 March 1908, accompanied by Baldyn-*jasak*, the expedition set out going south-south-west to Lake Sogo Nor in the low reaches of Ejin-Gol. From Baga-Moto Kozlov decided to follow a new route, not yet familiar, in the hope of reaching Sogo Nor and spend an extra day in the already close... mysterious Khara-Khoto city.”⁴² Nearly two weeks later they reached the shore of the lake into the territory of the Torgout-*beile*, who at first “assumed a haughty expression,” but then “softened” and after receiving gifts, became “human” — sent for the expedition a *yurta*, a tent and people “for service.”⁴³ For 19 March the first “light trip” was appointed to Khara-Khoto, of which so much “had been said back in St. Petersburg, in Moscow and on the way to the border in conversations with each other.” Later, “from Gurban Saikhan, talks with the local people of Baldyn-*jasak*, became almost daily.”⁴⁴

The following expedition members went to Khara-Khoto together with Kozlov: geologist A.A. Chernov, topographer

³⁶ Там же.

³⁷ АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 154. Л. 67. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1. 5 февраля 1908 г.

³⁸ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. 44. Вып. 5. С. 304.

³⁹ АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 154. Л. 52 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

⁴⁰ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова // Известия ИРГО. 1908. Т. 44. Вып. 7. С. 453.

⁴¹ АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 154. Л. 81. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

³⁷ ARGС. Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 67. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1. 5 February 1908

³⁸ “News from P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition.” *PIRGS*. Vol. 44. Issue 5 (1908), p. 304.

³⁹ ARGС. Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 52v. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1.

⁴⁰ “News from P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition.” *PIRGS*. Vol. 44. Issue 7 (1908), p. 453.

⁴¹ ARGС. Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 81. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1.

⁴² *Ibid.*, f. 64.

⁴³ *Ibid.*, f. 74; 78v.

⁴⁴ *Ibid.*, f. 81.

близком <...> таинственном городе Хара-Хото»⁴². Почти через две недели прибыли на берега озера, во владения *торгоут-бэйле*, который «вначале принял вид надменный», но затем «отошел» и после получения подарков «стал человеком», послал для экспедиции юрту, палатку и людей «для услуг»⁴³. На 19 марта наметили первую, «легкую поездку» в Хара-Хото, о котором «так много говорилось еще в Петербурге, в Москве и по дороге к границе». Затем «от Гурбун-Сайхан стали говорить с местными, балдын-ца-саковскими обитателями, чуть не ежедневно»⁴⁴.

Вместе с Козловым в Хара-Хото выехали члены экспедиции: геолог А.А. Чернов, топограф капитан П.Я. Напалков, гренадеры Г. Иванов и А. Мадаев. Их сопровождали проводники от *торгоут-бэйле*. Козлов, Напалков и Иванов пробыли в Хара-Хото три дня, а Чернов и Мадаев пять. В первое посещение мертвого города были определены его географические координаты (41°45'40" с. ш. и 101°5'15" в. д.), абсолютная высота местности (810 м), снят план, тщательно обследованы развалины, произведены пробные раскопки, которые дали большое количество черепков посуды, предметов обихода, денежные ассигнации, монеты, три книги, тридцать оригинальных рукописей на неизвестном тогда тангутском языке, предметы культа и др.⁴⁵

Судьба научных открытий зависит от множества факторов. Не последнюю роль играют удачное стечение обстоятельств (фактор удачи) и стиль преподнесения открытия (фактор стиля)⁴⁶. И если удача зачастую ассоциируется со случайностью, то продвижение достижения в той или иной отрасли знаний во многом зависит от личностных качеств исследователя. Козлов умел сделать, как сказали бы сегодня, *promotion* своим успехам, предопределяя этим общественный и научный интерес к своей деятельности. Так, по результатам посещения Хара-Хото Козлов сразу же составил донесение в Русское Географическое общество, в котором привел описание местности, краткую историческую справку о городе, составленную по расспросным сведениям, перечень произведенных работ и находок, приложил несколько фотографий⁴⁷. Информацию о посещении Хара-Хото он послал также С.Ф. Ольденбургу⁴⁸. После этого экспедиция направилась к Алашаньскому хребту. Причем

Captain P.Ya. Napalkov, grenadiers G. Ivanov and A. Madayev. They were accompanied by guides from the *Torgout-beile*. Kozlov, Napalkov and Ivanov stayed in Khara-Khoto for three days, Chernov and Madayev for five days. During the first visit to the dead city, its geographic bearings were determined (41°45'40" N. and 101°5'15" E.), as well as absolute height of the locality (810 m), a plan was drawn, the ruins were thoroughly investigated, trail digging was done, yielding a large number of pottery shards, fragments of utensils, money notes, coins, three books, thirty original manuscripts in the then unknown Tangut language, cult objects, etc.⁴⁵

The future of a scientific discovery depends on numerous factors. The fortunate circumstances (the luck factor) are far from unimportant; no less important is the style of presenting a discovery (the style factor).⁴⁶ While luck is often associated with chance, publicity surrounding an achievement in any field of knowledge largely depends on the researcher's personality. Kozlov was able, to use an expression of today, to promote his achievements, thus pre-determining public and scholarly interest in his work. Thus, Kozlov immediately prepared a dispatch to the Geographic Society, in which he gave a description of the locality, a brief historical note on the city based on interviews, a list of work performed and finds made, attaching a few photographs.⁴⁷ He sent some information on their visit to Khara-Khoto also to S.F. Oldenburg.⁴⁸ After that the expedition made its way to the Alashan Ridge, Kozlov proposing to make the first stop for the night in Khara-Khoto, where he intended to spend all day long, for the whole team had by then "absorbed the importance of the task assigned by the Imperial Russian Geographic Society."⁴⁹

Anticipating the sensational character of the discovery made, Kozlov wrote the following in the journal with his somewhat pathetic emotionality: "Well, then, goodbye, Khara-Khoto! You have given me lots of wonderful moments of raptures; you have inadvertently opened a new province of knowledge to me and a new inquisitiveness in me. And who knows what great joy may still lie ahead... Goodbye, my deceased friend coming from the dead before others – the memory of you will now fly across the entire learned world."⁵⁰

⁴² Там же. Л. 64.

⁴³ Там же. Л. 74, 78 об.

⁴⁴ Там же. Л. 81.

⁴⁵ Овчинникова Т.Н. П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М., 1964. С. 123.

⁴⁶ Бажанов В.А. Научные открытия и специфика их оценки и ассимиляции // Вестник института естествознания и техники. 2007, № 3. С. 179—185.

⁴⁷ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова (28 марта 1908 г.) // Известия ИРГО. 1908. Т. 44. Вып. 7. С. 453—458.

⁴⁸ Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии: избранные труды. М., 1963. С. 446—447.

⁴⁵ Ovcinnikova, T.N. P.K. Kozlov, *Explorer of Central Asia*. M., 1964, p. 123.

⁴⁶ Bazhanov, V.A. "Scientific Discoveries and the Specifics of Their Appreciation and Assimilation." *Bulletin of the Institute of the History of Science and Technology*. No 3 (2007), pp. 179—185.

⁴⁷ "News from P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition (28 March 1908)." *PIRGS*. Vol. 44. Issue 7 (1908), pp. 453—458.

⁴⁸ Kozlov, P.K. *Russian Traveller in Central Asia: Selected Works*. M., 1963, pp. 446—447.

⁴⁹ "News from P.K. Kozlov's Mongolia and Sichuan Expedition (28 March 1908)." *PIRGS*. Vol. 44. Issue 7 (1908), p. 458.

⁵⁰ ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 154, f. 96v. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 1.

первый ночлег Козлов предполагал устроить в Хара-Хото, где намеревался провести целые сутки, поскольку весь отряд «уже успел проникнуться важностью задачи, порученной <...> Императорским Русским Географическим обществом»⁴⁹.

Предчувствуя сенсационность сделанного открытия, Козлов со свойственной ему несколько патетичной эмоциональностью записал в дневнике: «Итак, прощай, Хара-Хото! Ты дал мне много прекрасных, восторженных минут, ты, неволью, открыл мне новую отрасль знаний, новую пытливость. А кто знает, какая быть может еще великая радость впереди. <...> Прощай, отживший приятель, ты, раньше других воскресший, и память о тебе побежит по всему ученому миру»⁵⁰.

Даже краткий осмотр поступившего в Петербург археологического материала позволил сделать вывод о его уникальности и высокой исторической ценности. В письме от 9 сентября 1908 г. помощник председателя Русского Географического общества А.В. Григорьев (1848—1908) сообщил Козлову о первых результатах изучения находок: «Я рассказал П.П. Семенову о Ваших открытиях в Хара-Хото, и он очень интересовался тем, что Вы там нашли, а нашли Вы, во-первых, <...> Си Ся (Hsi-hsia)⁵¹, столицу⁵² тангутского царства, существовавшего с XI по XIV век. 2) Рукописи помимо китайского — на неведомом языке (по крайней мере прочитать <...> никто еще не умеет, хотя образцы письма и известны). 3) Ассигнации Минской династии, которых известно было до сих пор лишь 4 штуки, в том числе в Азиатском музее Академии наук». А.В. Григорьев, которого связывали с Козловым дружеские отношения, посоветовал ему посетить Хара-Хото и на обратном пути: «Не жалейте ни времени, ни средств на дальнейшие раскопки — такое мнение не одного только меня, питающего к Вам некоторую слабость, но и других, более компетентных, чем я, лиц». Чтобы усилить личную заинтересованность путешественника, А.В. Григорьев сыграл на самолюбии Козлова: «Вы первый. Биологическими сборами не удивить, а когда узнают про Си Ся и о том, что Вы там нашли, прямо ахнут и остолбенеют»⁵³.

Это письмо путешественник получил только 7 декабря 1908 г., и оно стало поворотным пунктом в истории Хара-Хото. Козлов послушался совета А.В. Григорьева, изменил маршрут экспедиции, свернув исследование Сычуани, и через Амдоское нагорье направился в Хара-Хото.

Even a summary inspection of the archaeological materials received by St. Petersburg made it possible to arrive at the conclusion that they were unique and historically valuable. In his letter of 9 September 1908, A.V. Grigoryev (1848–1908), Assistant Chairman of the Russian Geographic Society, informed Kozlov of the first results of the study of his finds: “I have told P.P. Semyonov of your discoveries in Khara-Khoto and he wanted to know what you had found. What you have found is: firstly, ... Xi-Xia (Hsi-hsia),⁵¹ the capital⁵² of the Tangut Kingdom, which existed from the 11th to 14th century. 2) Manuscripts — besides those in Chinese — in an unknown language, nobody can read yet, although specimens of the writing are known. 3) Banknotes from the Ming dynasty, of which only four have been known so far, including what the Asiatic Museum of the Academy of Sciences has.” A.V. Grigoryev, who was on warm, friendly terms with Kozlov, advised the traveller to visit Khara-Khoto on his way back: “Spare no time or expenses for further excavations — this is the opinion not only of yours truly, who sympathises with you, but of other persons more competent than me.” To stimulate the traveller’s personal interest, Grigoryev played also on Kozlov’s ambition: “You are the first there. Biological collections won’t surprise anybody, but when people hear of Xi-Xia and what you found there, everybody will gasp, dumbfounded.”⁵³

It was not until 7 December that the traveller received the letter, which became the turning point in the history of Khara-Khoto. Kozlov followed A.V. Grigoryev’s advice, folded up the studies of Sichuan and headed for Khara-Khoto through the Amdo tableland.

D.N. Anuchin’s letter of 20 September 1908 must have also influenced Kozlov. The eminent geographer wrote that he had Kozlov’s article published in *Russian Gazette* with his introduction, in which he pointed out the importance of excavating ancient cities, “in which respect the Britons and Germans had surpassed us in Chinese Turkestan and Turfan.”⁵⁴ Regretting that from Kozlov’s brief description it was not clear how thoroughly the city had been studied, he had no doubt that “the material collected would enrich science with new information or would provide additional materials for getting familiarized with the epoch made known by the excavations of Stein and Grünwedel or would introduce the antiques of a later epoch, already Buddhist or Mongolian.”⁵⁵

⁴⁹ Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П.К. Козлова (28 марта 1908 г.) // Известия ИРГО. 1908. Т. 44. Вып. 7. С. 458.

⁵⁰ АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 154. Л. 96 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 1.

⁵¹ Так в тексте.

⁵² На самом деле Хара-Хото не являлся столицей тангутского государства. Однако эта ошибка еще до сих пор периодически появляется в публикациях о Хара-Хото.

⁵³ АРГО. Ф. 18. Оп. 3, ед. хр. 184. Л. 54. Письмо от 9 сентября 1908 г.

⁵¹ The text puts it so.

⁵² In fact, Khara-Khoto never was the capital of the Tangut State. This error, however, has periodically re-appeared in publications on Khara-Khoto.

⁵³ АРГО. Фонд 18. Inv. 3, unit 184, f. 54. Letter of 9 September 1908.

⁵⁴ *Ibid.*, unit 14; f. 5. Letter of 20 September 1908.

⁵⁵ *Russian Gazette*. 1908. 20 September, p. 2.

Этому решению, по-видимому, способствовало и письмо Д.Н. Анучина от 20 сентября 1908 г. Авторитетный географ сообщал Козлову, что его статью он поместил в «Русских ведомостях» и предварил своим вступлением, в котором указал на важность раскопок «мертвых городов», в которых «англичане и немцы нас предвосхитили в Китайском Туркестане и Турфане»⁵⁴. Д.Н. Анучин, сожалея, что из краткого описания Козлова нельзя видеть, насколько подробно исследован город, тем не менее не сомневался, что «собранный материал обогатит науку новыми данными и либо даст добавочные материалы для ознакомления с той эпохой, которая стала известна из раскопок Стейна и Грюнведеля, либо познакомит с древностями более поздней эпохи, исключительно уже буддийской и монгольской»⁵⁵.

Новые раскопки начали 23 мая 1909 г., причем без всякого плана и системы. Козлов, как и ранее, не давал своим спутникам указаний, «находя это совершенно излишним», предоставив им полную свободу действий. Участники экспедиции работали «по собственному чутью». Козлов полагал, что так они «и работают веселее, и самая работа их занимает больше»⁵⁶. С первого дня стали находить части рукописей, монеты, ассигнации, обломки посуды и проч. Но все находки являлись незначительным дополнением к материалам, добы-

тым в первое посещение Хара-Хото. Энтузиазм сотрудников экспедиции заметно падал. Тогда Козлов предложил перенести работы за стены Хара-Хото⁵⁷, где находилось несколько субурганов. 30 мая приступили к исследованию самого крупного из них, «отстоящего на запад от города в 200-х сажнях»⁵⁸. Решение оказалось счастливым, а этот субурган стал знаменитым. Во время раскопок, продолжавшихся девять дней (с 30 мая по 7 июня), была обнаружена целая библиотека прекрасно сохранившихся свитков, рукописей, книг на тангутском, китайском и уйгурском языках, сотни буддийских икон и скульптур, святыни из буддийских храмов.

⁵⁴ АРГО. Ф. 18. Оп. 3, ед. хр. 14. Л. 5. Письмо от 20 сентября 1908 г.

⁵⁵ Русские ведомости. 1908. 20 сентября. С. 2.

⁵⁶ АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 157. Л. 437 об. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

⁵⁷ Там же. Л. 442 об. Запись от 27 мая: «Моим же молодцам предложено на завтра перенести работы за стены Хара-Хото».

⁵⁸ Там же.

The new excavation began on 23 May 1909. The digging went on without any plan or system. As during his first visit, Kozlov gave the team no directions as to where to dig, “regarding this as entirely superfluous” and allowing them complete freedom of action. The participants in the expedition “followed their intuition.” Kozlov believed that “working that way was more fun and its very process was more thrilling.”⁵⁶ From the

very first day the expedition began to find parts of manuscripts, coins, banknotes, shards of pottery, etc. All the finds, however, were but insignificant additions to the materials collected during the first visit to Khara-Khoto. The enthusiasm of the team was flagging visibly. In order to diversify the work somehow, Kozlov suggested digging beyond the walls of Khara-Khoto,⁵⁷ where there were several *suburgans*. On 30 May the expedition set to investigate the largest of them, “200 *sazhens* west of the city” (1 *sazhen* = 2.13 m).⁵⁸ The decision proved fortunate and the *suburgan* became celebrated. In the course of the excavation, which lasted for nine days (from 30 May to 7 June), an entire library was found comprising perfectly preserved scrolls, manuscripts and books in the Tangut, Chinese and Uighur languages, as well as hundreds of Buddhist icons, sculptures and sacred objects paintings Buddhist temples.

Simultaneously with the joy of unexpected success, a serious prob-

lem arose regarding the storage of the materials collected and their transportation to Russia. Packing new finds, Kozlov confessed: “Now, I repeat, my greatest wish is not to collect, but to preserve what has been collected.”⁵⁹ The caravan loaded to capacity was unable to take all the archaeological materials and Kozlov resolved to leave some of the objects, mainly large-size statues, expecting to return and continue the excavations.⁶⁰

П.К. Козлов на выставке находок из Хара-Хото.
Архив Русского Географического общества

P.K. Kozlov at the exhibition of the Khara-Khoto finds.
Archives of the Russian Geographic Society

⁵⁶ ARGС. Fond 18. Inv. 1, unit 157, f. 437v. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 4.

⁵⁷ *Ibid.*, f. 442v. Entry of 27 May: “As to my great boys, I’ve suggested that tomorrow they should begin work outside the walls of Khara-Khoto.”

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ *Ibid.*, f. 460.

⁶⁰ P.K. Kozlov was able to continue the excavations as late as 1926. Despite the detailed description of the place where the statues had been left in 1909, he failed to find anything. See Kozlov, P.K. *Journals of the Mongolia and Tibet Expedition (1923–26)*. SPb., 2003.

*Общий вид выставки находок из Хара-Хото в Русском Географическом обществе. 1910
Архив музея П.К. Козлова, Санкт-Петербург*

*View of the the exhibition of the Khara-Khoto finds held at the Russian Geographic Society. 1910
Archives of the P.K. Kozlov Museum, St. Petersburg*

*Витрина с рукописями из Хара-Хото в Русском Географическом обществе. 1910
Архив музея П.К. Козлова, Санкт-Петербург*

*Show-case with the manuscripts from Khara-Khoto at the Russian Geographic Society. 1910
Archives of the P.K. Kozlov Museum, St. Petersburg*

Одновременно с радостью от неожиданного успеха возникла серьезная проблема сохранения собранного археологического материала и его транспортировки в Россию. Козлов признавался: «У меня, повторяю, теперь остается одно величайшее желание: не собирать, а лишь сберечь все то, что собрано»⁵⁹. Перегруженный караван не мог увезти весь археологический материал, и Козлов принял решение оставить часть вещей — главным образом, крупную скульптуру, предполагая вернуться для продолжения раскопок⁶⁰.

Прощаясь 16 июня 1909 г. с Хара-Хото, Козлов сделал проникновенную запись: «Мне суждено связать с тобою свое имя, мне посчастливилось вызвать тебя к новой загробной жизни. Скоро история твоя, твоя тайна будет открыта. Счастье вручило мне дорогой субурган!»⁶¹ Но он прекрасно осознавал, что во многом этот успех был предопределен А.В. Григорьевым: «Сколько раз я с глубоким чувством, — писал Козлов, — здесь, на развалинах, вспоминал и еще вспомню несравненного Александра Васильевича», после смерти которого, «один Ольденбург своим словом, своим увлечением о результатах Хара-Хото еще поддерживает во мне любовь к Азии, к моей этой поездке и исследованиям»⁶².

Пройдя в течение полутора лет по маршруту Урга—Эдзин-Гол—Хара-Хото—Алашаньский хребет и прилегающая к нему часть долины Хуанхэ—Восточный Нань-шань—Синьин—озеро Кукунор—оазис Гуйдуй—юго-западная часть провинции Ганьсу—восточная часть Амдо—монастыри Лавран и Гумбум—Ланьчжоу—Алаша—Хара-Хото—Урга, в августе 1909 г. Монголо-Сычуаньская экспедиция вернулась в Петербург. Географическое общество отмечало, что «эта экспедиция явилась как бы завершением сорокалетнего систематического изучения Центральной Азии, начавшегося в 1870 г. под руководством Н.М. Пржевальского и продолжившими его исследователями Певцовым, Роборовским и Козловым»⁶³. Экспедиция привезла многочисленные естественно-исторические коллекции, но самыми ценными результатами ее деятельности явились археологические находки. Дальнейшая их судьба зависела от ученых. Козлов это понимал и искренне надеялся, «что и Географическое общество, и Императорская Академия наук приложат все усилия, средства и умение, чтобы достойным образом обработать и издать труды и материалы Хара-Хото»⁶⁴.

Saying farewell to Khara-Khoto on 16 June 1909, Kozlov made a heart-felt entry in the journal: “I am destined to link my name with yours, for I have been fortunate to bring you back to a new, posthumous life. Soon your history and mystery will be revealed. Fortune has awarded me a valuable *suburgan!*”⁶¹ But he realized very well that his success had been largely predetermined by A.V. Grigoryev. “How many times,” wrote Kozlov, “have I recalled with deep feeling, here, on the ruins, and how many times will I remember again my incomparable Aleksandr Vasilyevich,” after whose death “Oldenburg alone, by his words and by his keen interest in the results of Khara-Khoto, still supports my love for Asia, for that journey of mine and for my research.”⁶²

Having traversed, over a year and a half, a long itinerary: Urga—Ejin-Gol—Khara-Khoto—the Alashan Ridge and part of the Huang He valley adjoining it—Eastern Nan Shan—Xin-ying—Lake Koko Nor—Guidui oasis—the south-west of Gansu Province—the east of Amdo—Labrang and Kumbum monasteries—Lanzhou—Alasha—Khara-Khoto—Urga — the Mongolia and Sichuan Expedition returned to St. Petersburg in August 1909. The Geographic Society pointed out that “the expedition crowned as it were the 40-years-long systematic study of Central Asia, which had started in 1870 under the guidance of N.M. Przhevalsky and continued by the explorers Pevtsov, Roborovsky and Kozlov.”⁶³ Kozlov’s expedition brought a wealth of natural history collections, but the most valuable result of its work were the archaeological finds. Now their future depended on the scholars. Kozlov understood that and sincerely hoped “that both the Geographic Society and the Academy of Sciences would spare no effort, means or ability in order to describe and publish properly the Khara-Khoto materials and papers.”⁶⁴

In early 1910, an exhibition of collections from Khara-Khoto was mounted in the newly constructed building of the Russian Geographic Society (at No 8, Demidov Lane — now No 8, Grivtsov Lane). Then the books and manuscripts were given for storage and study to the Asiatic Museum (now the IOM RAS) and the other objects were handed over to the Ethnography Department of the Russian Museum, where they were kept up to 1934, whereupon they were transferred to the Hermitage Museum. The finds from Khara-Khoto stirred a lively interest in

⁵⁹ Там же. Л. 460.

⁶⁰ Продолжить раскопки в Хара-Хото П.К. Козлов смог лишь в 1926 г. Но несмотря на подробное описание места, где в 1909 г. были оставлены скульптуры, ничего найти не удалось. См.: Козлов П.К. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции 1923—1926 гг. СПб., 2003.

⁶¹ АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 157. Л. 465. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

⁶² Там же. Л. 448. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

⁶³ АРГО. Ф. 1-1907. Оп.1, ед. хр. 5. Л. 65.

⁶⁴ АРГО. Ф. 18. Оп. 1, ед. хр. 157. Л. 465. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

⁶¹ ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 157, f. 465. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 4.

⁶² *Ibid.*, f. 448. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 4.

⁶³ ARGS. Fond 1-1907. Inv. 1, unit 5, f. 65.

⁶⁴ ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 157, f. 465. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 4.

*Витрины с материалами
Монголо-Сычуаньской экспедиции
в Русском Географическом обществе. 1910
Архив Русского Географического общества*

*Show-cases with the materials
of the Mongolia and Sichuan expedition
at the Russian Geographic Society. 1910
Archives of the Russian Geographic Society*

В начале 1910 г. в только что построенном новом здании Русского Географического общества (Демидов пер., 8; ныне — пер. Гривцова, 10) была развернута выставка коллекций из Хара-Хото. Затем книги и рукописи были переданы на хранение и изучение в Азиатский музей (ИВР РАН), остальные предметы — в Этнографический отдел Русского музея, где они хранились до 1934 г., после чего поступили в Государственный Эрмитаж. Хара-хотинские находки вызвали живой интерес в научной среде и привлекали пристальное внимание исследователей. Коллекция книг, живописи, предметов быта и др. вещи из «знаменитого» субургана дали возможность многое узнать о культуре, искусстве, этнографии государства Си Ся, его связях с соседями.

Особое значение найденные Козловым материалы имели для расшифровки тангутской письменности. Первые исследования по материалам рукописной коллекции П.К. Козлова были опубликованы А.И. Ивановым⁶⁵. Выдающийся вклад в тангутоведение внес Н.А. Невский. С коллекцией книг и рукописей из Хара-Хото российские востоковеды работают

the scientific circles and attracted researchers' close attention. The collection of books, paintings, household objects and other articles from the renowned *suburgan* enabled the scholars to learn a great deal about the culture, art and ethnography of the Xi-xia state and its links with other countries.

The materials found by P.K. Kozlov were particularly important for the deciphering of the Tangut script. The first research into the materials from P.K. Kozlov's collection of manuscripts was published by A.I. Ivanov.⁶⁵ An outstanding contribution to Tangut studies was made by N.A. Nevsky. Russian Orientalists have been working with the collection of books and manuscripts

⁶⁵ Иванов А.И. К изучению языка Си Ся. СПб., 1909; *он же*. Страница из истории Си Ся // ИИАН. СПб., 1911; Документы из города Хара-

⁶⁵ Ivanov, A.I. *On the Study of the Xi-Xia Language*. SPb., 1909; *Id.* "A Page from the History of Xi-Xia." *PIAS*, SPb., 1911; *Id.* "Documents from the City of Khara-Khoto. I. A Chinese Private Letter of the 14th Century." *PIAS*. Series 4. No 14 (1913), pp. 817–913; *Id.* "Monuments of Tangut Writing." *PIAS*. Ser. 6. No 8 (1918); "Paper Banknotes in China Prior to the 15th Century." In *Materials on the Ethnography of Russia*. Vol. 2. SPb., 1914, pp. 159–174; Ivanov, A.I., Oldenburg S.F., Kotwicz, W. *From P.K. Kozlov's Finds in Khara-Khoto*. SPb., 1909; Volkov, F. "Human Bones from the Suburgan in Khara-Khoto." In *Materials on the Ethnography of Russia*. Vol. 2. SPb., 1914, pp. 179–182.

до сих пор. Подробно описаны китайская⁶⁶ и тангутская части коллекции⁶⁷. Как отметил Е.И. Кычанов, современные успехи российского и мирового тангутоведения основываются именно на материалах тангутского фонда ИВР РАН. Совместно с шанхайским издательством «Древняя книга» («Гуцзи») была опубликована в одиннадцати томах светская часть коллекции и примерно одна пятая — одна шестая часть буддийских текстов на тангутском языке, все тексты на китайском языке⁶⁸. Результатом многолетней работы Е.И. Кычанова стало издание в Японии уникального Тангутско-русско-англо-китайского словаря⁶⁹.

Но не только филологические вопросы помогла решить хара-хотинская коллекция Козлова. Ее изучение позволило выявить новые факты в истории книгопечатания. Библиотека, обнаруженная в Хара-Хото, — собрание печатных книг, ксилографов и рукописей XI—XIII вв.⁷⁰ Материалы этой коллекции позволяют проследить все этапы, технические достижения и особенности развития книжного дела в странах Востока. В книгах сохранилось много гравюр. Большой исторический интерес представляют разнообразные приспособления для книгопечатания, а также резные деревянные доски как для тангутских книг, так и для отдельных книжных иллюстраций.

Не менее значимы предметы буддийского культа из Хара-Хото, в частности иконы и статуэтки. Их предварительное описание, «не откладывая дела до подробного и тщательно изучения», дал уже в 1914 г. С.Ф. Ольденбург⁷¹. В дальнейшем изучением этой коллекции занимались сотрудники

from Khara-Khoto to date. Both the Chinese⁶⁶ and the Tangut⁶⁷ parts of the collection have been described in detail. As E.I. Kychanov has pointed out, today's achievements of the Russian and the world Tangut scholars are based precisely on the materials of the Tangut collection of the IOM RAS. The secular part of the collection in eleven volumes has been brought out jointly with the Shanghai Chinese Classics (*Guji*) Publishing House, as well as a fifth or a sixth part of the Buddhist texts in Tangut and all the texts in Chinese⁶⁸. E.I. Kychanov's unique Tangut-Russian-English-Chinese Dictionary published in Japan was the fruit of the scholar's work of many a year.⁶⁹

Kozlov's collection from Khara-Khoto was instrumental, however, not only in solving linguistic problems. Its study revealed new facts in the history of book printing. The library discovered in Khara-Khoto comprises printed books, block-prints and manuscripts from the 11th to the 13th century.⁷⁰ The materials of the collection enable the researcher to trace every stage, technological achievement and peculiarity in the development of book publishing in the countries of the East. A large number of engravings have survived in the books. Of great historical interest are various devices used in book printing, as well as carved printing boards both for Tangut books and certain individual book illustrations.

No less significant are the objects of Buddhist worship from Khara-Khoto, especially the paintings and statuettes. Their preliminary description was given, "without putting off the task till a thorough, detailed study," by S.F. Oldenburg as early as 1914.⁷¹ Afterwards, the study of the collection became the duty

Хото. I. Китайское частное письмо XIV века // ИИАН. 1913. Сер. 4. № 14. С. 817—913; Памятники тангутского письма. ИИАН. 1918.

Сер. 6. № 8; Бумажное обращение в Китае до XV века // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 159—174; Иванов А.И., Ольденбург С.Ф., Котвич В. Из находок П.К. Козлова в г. Хара-Хото. СПб., 1909; Волков Ф. Человеческие кости из субургана в Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 179—182.

⁶⁶ Меньшиков Л.Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (Фонд П.К. Козлова). М., 1984.

⁶⁷ Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных тангутских рукописей и ксилографов коллекции института народов Азии АН СССР / Составители З.И. Горбачева, Е.И. Кычанов. М., 1963. 170 с.

⁶⁸ 俄藏黑水城文献 Э цан Хэйшуйчэн вэньсянь (Рукописи из Хэйшучэна в российских собраниях). В 11-ти томах. Шанхай, 1996—1999; Кычанов Е.И. Тангутский фонд СПбФ ИВ РАН как основа развития мирового тангутоведения // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы 23-й годичной конференции СПб. Отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники. СПб., 2002. С. 19.

⁶⁹ Словарь тангутского (Си Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь. Составитель Е.И. Кычанов. Сосоставитель С. Аракава. Киото, 2006.

⁷⁰ См. Терентьев-Катанский А.П. Книжное дело в государстве тангутов (по материалам коллекции П.К. Козлова). М., 1981.

⁷¹ Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914.

⁶⁶ Menshikov, L.N. *Description of the Chinese Part of the Collection from Khara-Khoto (Fond P.K. Kozlova)*. М., 1984.

⁶⁷ *Tangut Manuscripts and Xylographs. List of Identified and Recognized Tangut Manuscripts and Xylographs from the Collection of the Institute of Peoples of Asia of the USSR AS*. Compiled by Z.I. Gorbacheva and E.I. Kychanov. М., 1963.

⁶⁸ 俄藏黑水城文献 *E cang Heishuicheng wenxian (Heishuicheng Manucripts in Russian Collections)*. Vols. 1—11. Shanghai, 1996—99; Kychanov, E.I. "The Tangut Collection of the St. Petersburg Branch of the IOS RAS as the Basis for the Development of the World's Tangut Studies." *Science and Technology: Issues of History and Theory*. Theses of the 23rd Annual Conference of the SPb. Branch of the Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology. SPb., 2002, p.19.

⁶⁹ *Dictionary of the Tangut (Xi-Xia) Language. Tangut-Russian-English-Chinese Dictionary*. Compiled by E.I. Kychanov. Co-compiler: S. Arakawa. Kyoto, 2006.

⁷⁰ See Terentyev-Katansky, A.P. *Book Publishing in the Tangut State (from the Materials of P.K. Kozlov's Collection)*. М., 1981.

⁷¹ Oldenburg, S.F. "Materials on Buddhist Iconography from Khara-Khoto." *Materials on the Ethnography of Russia*. Vol. 2, SPb., 1914.

Государственного Эрмитажа⁷². Предметы из хара-хотинской коллекции много и часто выставляются. В 1993 г. по инициативе Фонда барона фон Тиссена большая выставка буддийского искусства из Хара-Хото прошла в Швейцарии⁷³.

Большой популярностью пользовалась книга Козлова об этой экспедиции «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото». Уже в 1925 г. по инициативе путешественника В. Фильхнера она была переведена на немецкий язык⁷⁴. Предисловие к ней написал С. Гедин. Второй перевод на немецкий язык был осуществлен в 1955 г.⁷⁵ Книга также была переведена на японский и китайский языки.

Сообщения о результатах раскопок в Хара-Хото заинтересовали западных исследователей. В 1914 г. в оазисе Эджина работал А. Стейн⁷⁶, в 1923 г. там побывала американская экспедиция Л. Уорнера⁷⁷, а в 1927—1928 гг. этот район обследовал С. Гедин⁷⁸. Все экспедиции собрали большое количество интересных находок, но повторить успех Козлова никому не удалось. Предполагая такой интерес своих зарубежных коллег, Козлов уже в июле 1909 г., получив от П.Я. Напалкова информацию о французской экспедиции, записал в дневнике: «Вот мое предсказание и сбылось. Я говорил моим спутникам: “Смотрите, еще мы не окончили наше путешествие, как узнаем, что иностранцы уже идут в нами открытую столицу тангутского царства”. Невольно вспоминаю с великой благодарностью моего искреннего друга Александра Василевича Григорьева, вовремя подсказавшего мне променять Сычуань на мое детище Хара-Хото»⁷⁹.

Этот очерк, преднамеренно изобилующий цитатами, хочется закончить еще одним высказыванием, которое принадлежит С.Ф. Ольденбургу. Нам кажется, что в нем содержится ответ, поставленный в начале нашего повествования: «Часто приходится слышать, что находки, делаемые путешественниками, являются результатом “удачи”. Такое утверждение несправедливо, ибо, если путешественник что-нибудь находит, то почти всегда только потому, что он искал и умел искать. Так было и с П.К. Козловым, и потому его находки должны быть поставлены ему в большую заслугу...»⁸⁰

of the staff of the State Hermitage Museum.⁷² Works from the Khara-Khoto collection have been frequently and in large numbers put on display. In 1993, on the initiative of Baron von Tissen's Foundation, a large exhibition of Buddhist art from Khara-Khoto was held in Switzerland.⁷³

Kozlov's book about his expedition, *Mongolia and Amdo and the Dead City of Khara-Khoto*, has enjoyed great popularity. As early as 1925 it was translated into German on the initiative of the traveller Wilhelm Filchner.⁷⁴ Sven Hedin wrote an introduction to it. Another translation of the book into German was done in 1955.⁷⁵ The book was also translated into the Japanese and Chinese languages.

Researchers in the West took an interest in the reported results of the excavations in Khara-Khoto. In 1914 Aurel Stein worked in the oasis of Ejina,⁷⁶ in 1923 it was visited by Langdon Warner's American expedition,⁷⁷ and in 1927—28 the area was investigated by Sven Hedin.⁷⁸ All the expeditions collected large numbers of interesting finds, although none of them was able to repeat Kozlov's success. Anticipating this interest on the part of his foreign colleagues, Kozlov, after receiving from P.Ya. Napal'kov the news of a French expedition, wrote in his journal as early as July 1909: “So now my prediction comes true. I often told my co-travellers: ‘Look, before we have finished our journey, we'll find foreigners arriving in the capital of the Tangut Kingdom we discovered.’ I gratefully recall my sincere friend Aleksandr Vasilyevich Grigoryev and his timely tip for me to change Sichuan for my child, Khara-Khoto.”⁷⁹

I would like to finish this essay, deliberately abundant in quotations, with one more citation, which belongs to S.F. Oldenburg. It seems to contain the answer to the question asked at the beginning of this narrative: “One often hears that finds made by travellers result from ‘luck’. This assertion is unjust, for if a traveller does find something, it is almost always only because he was searching for it and knew how to search. That was the case with Kozlov, therefore he should be given full credit for his finds...”⁸⁰

⁷² Самосюк К.Ф. Буддийская живопись из Хара-Хото XII—XIV веков: между Китаем и Тибетом. Коллекция П.К. Козлова. СПб., 2006.

⁷³ Lost Empire of the Silk Road. Buddhist Art from Khara-Khoto. 10th—13th Century. Milano, 1993.

⁷⁴ Kozlov P.K. Zur Toten Stadt / Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin. 1925.

⁷⁵ Kozlov P.K. Die Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-choto / Übers. von H. Sträubig. Leipzig, 1955.

⁷⁶ Stein A. Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran. 5 vols. Oxford, Clarendon Press, 1928.

⁷⁷ Warner L. The Long Old Road in China. London, 1927.

⁷⁸ Hedin S. Across the Gobi Desert. London, 1931.

⁷⁹ АРГО. Ф.18. Оп.1, ед. хр. 157. Л. 500. Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия № 4.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Д. 11. Л. 50 об. 1928.

⁷² Samosyuk, K.F. *Buddhist Paintings (12th—14th century) from Khara-Khoto: Between China and Tibet*. P.K. Kozlov's Collection. SPb., 2006.

⁷³ *Lost Empire of the Silk Road. Buddhist Art from Khara-Khoto. 10th—13th Century*. Milan, 1993.

⁷⁴ Kozlov, P.K. *Zur Toten Stadt*. Übers. von L. Breitfuß, P. Zeidler. Berlin. 1925.

⁷⁵ Kozlov, P.K. *Die Mongolei, Amdo und die tote Stadt Chara-choto*. Übers. von H. Sträubig. Leipzig, 1955.

⁷⁶ Stein, A. *Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Iran*. 5 vols. Oxford: Clarendon Press, 1928.

⁷⁷ Warner, L. *The Long Old Road in China*. London, 1927.

⁷⁸ Hedin, S. *Across the Gobi Desert*. London, 1931.

⁷⁹ ARGS. Fond 18. Inv. 1, unit 157, f. 500. The Mongolia and Sichuan Travel. Journal No 4.

⁸⁰ SARF. Fond P-5446. Inv. 37, unit 11, f. 50v., 1928.